

**СОЦИОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ. АНТОЛОГИЯ /
ПОД РЕД. С.И.ГОЛОДА; ТРУДЫ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА
СОЦИОЛОГИИ РАН: ПЕРЕВОДЫ. СПБ., 1997. 126 с.**

При обилии материалов, посвященных проблемам пола, только изредка можно встретить достойную работу по социологии или теории сексуальности. Подготовленная под редакцией С.И.Голода антология, несмотря на ее малый тираж, несомненно, станет заметным событием в становлении российской социологии сексуальности.

В первом разделе представлены теоретические работы, во втором – эмпирические исследования, поэтому можно сопоставить эти два уровня социологической теории сексуальности. Переводы с французского выполнены Л.Борзиковой, с английского – Г.Полторановой и А.Клециной.

Значительный интерес представляет перевод работы Андре Бежена – исследователя из Национального центра научных исследований Франции. Статья "Рационализация и демократизация сексуальности" содержит анализ веберовского тезиса о рационализации применительно к сфере сексуального. При этом Бежен считает, что в "наших" (развитых индустриальных обществах) рост числа внебрачных рождений указывает именно на рационализацию и демократизацию сексуальности, в отличие от "их" латиноамериканских культур, где рост числа рождений вызывается "резко дифференцированным пониманием прав и ролей того и другого пола". Для подкрепления тезиса о рационализации сексуальности Бежен выделяет пять основных процессов, которые вливаются в поток рационализации: "финализация", "декантация", "технизация", профессиональная и научная легитимизация экспертов, а также "бухгалтеризация".

Рассмотрим эти понятия подробнее. *Финализация* – это описание человеческой сексуальности по одному из ее

результатов, а именно, по получаемому удовольствию. *Декантация* – это такой процесс изменения менталитета, когда стремление к сексуальному удовольствию и его определение легитимно само по себе, вне зависимости от чувств (любви), от институтов (брака) и от функций (репродукции). *Технизация* – это когда "оргазм является результатом сознательного, обдуманного, просчитанного желания", когда человек не чувствует себя больше частью природы, а скорее "секс-машиной". Эксперты же призваны поддерживать эту машину в постоянном рабочем состоянии, и поэтому происходит их легитимизация, по словам Бежена. *Бухгалтеризация*, или учет сексуального удовольствия – это прямое применение веберовского идеального типа "целерационального действия" к сфере сексуального. Оргазм (вероятно, мужской) становится и атрибутом, и эталоном измерения сексуального удовольствия как для мужчин и женщин. По крайней мере такие выводы соответствуют теориям сексуальности Фрейда, Райха и Кинзи.

Однако рационализация не обязательно является и разумной, и приемлемой. Демократизация сексуальности обеспечит ее "общественную безопасность": она "подчинит напор сексуального желания свободной воле субъекта, чтобы обуздать его страсти и трагическое в его жизни заменить банальным". Один из примеров этого процесса (по Бежену) – эгалитарный принцип обмена оргазмами. Завершая свою работу, автор ставит трагический вопрос: "Действительно ли обмен оргазмами отвечает взаимному интересу партнеров?" Может быть, это форма возмездия – "око за око"?

Следует отметить качественный перевод этого небольшого текста – он не изобилует "французским в кириллице", и риторическое наполнение авторского стиля сохранено в русском языке, что дается нелегко. Что касается содержания работы Бежана, можно сказать, что это небезынертная попытка интерпретации сексуальности в духе Вебера, точнее, стилизации проблемы сексуальности под Вебера. В то же время в работе очень мало неокантианской аккуратности и осторожности. Наоборот, явно выражены несвойственные Веберу категоричность и редукционизм в применении понятий. "Идеальный тип" перестает быть мыслительной конструкцией, а "уходит" в повседневность и растворяется в ней.

Следующий, самый большой по объему, перевод – отрывок из книги Энтони Гидденса "Трансформация интимности", озаглавленный "Фуко о сексуальности". Гидденс излагает свою версию развития сексуальности, полемизируя с Фуко. И.Н.Тартаковская уже рассматривала основные темы этой книги, а также видимые расхождения Гидденса с Фуко в своей замечательно написанной рецензии [1], мы позволим себе остановиться на более частных вопросах, которые еще не обсуждались.

В публикуемом отрывке Гидденс представляет несколько основных вопросов. Во-первых, он излагает позицию Фуко по поводу его критики "гипотезы подавления", изложенной в первом томе "Истории сексуальности" [2], а также того процесса, при котором властные отношения и добыча знаний о сексе исторически переплелись в "биовласть" и "секс фактически стал центральным вопросом для современного верующего человека", превратившись в "секрет" о нас самих, который создает нас в момент своего раскрытия. Христианская исповедь как ритуал создания-проговора этого "секрета" сегодня все более секуляризируется и замещается на посещения сексолога, ток-

шоу о сексуальности подростков, социологические анкеты о сексуальности, многочисленные издания о сексе на любой вкус и многое другое, подкрепляемое созданием соответствующих социальных институтов – медицины, психиатрии, материнства, образования и т.д. Задачей Фуко было "выяснить, как люди в нашей культуре превращаются в субъектов". Поэтому сексуальность – основное мерило субъектности сегодня – находится в центре внимания Фуко.

Во-вторых, Гидденс критикует позицию Фуко за то, что он называет акцентом на "власти, коммуникации и теле". Гидденс принимает аргументы о социальном происхождении сексуальности, но ставит их в другую интерпретирующую схему. Он считает, что Фуко придает слишком большое значение сексуальности за счет рода/гендера (gender), а также "ничего не говорит о связи между сексуальностью и романтической любовью, явлением, тесно связанным с изменением семьи." Фуко остается во многом "на уровне коммуникации", и "нужно поставить под вопрос его концепцию "Я" (self) в отношении модернизации (modernity)".

Основная гипотеза Гидденса заключается в том, что "сексуальность появилась как часть прогрессирующего отделения секса от репродукции. С дальнейшим совершенствованием репродуктивных технологий в наши дни это отделение стало полным... Создание "пластичной сексуальности", свободной от ее вековой связи с репродукцией, родством и поколениями, было предпосылкой сексуальной революции последних нескольких десятилетий". Этот период характеризуется двумя основными процессами – это появившаяся у женщин сексуальная автономия, которую Гидденс считает уходящей корнями в XIX век, а также расцвет гомосексуальности, как мужской, так и женской, начиная с общественных движений 60-х годов.

Далее Гидденс предлагает, без отрицания связи с властью, рассматривать сексуальность как явление *институциональной рефлексивности* и как "постоянно действующий фактор". Институционализация сексуальности происходит потому, что это основной структурный элемент социальной активности в современном обществе. А рефлексивность заключается в том, что новые введенные термины стали частью принятых моделей поведения индивидов и групп. Попытки Гидденса "защитить честь" и вклад Фрейда от негативной оценки Фуко кажутся странными на фоне того огромного влияния Фрейда, которое И.Н.Тартаковская охарактеризовала как "достояние масс", сравнимое разве что только с вождями мирового пролетариата, а также с учетом того факта, что в данном случае Гидденс защищает не Фрейда, а определенные особенности института психоанализа. На самом деле Фуко нигде не подвергал сомнению радикальные открытия Фрейда в области бессознательного и либидо.

В разделе о "спаде перверсий" Гидденс использует материал о борьбе гомосексуалистов, чтобы еще раз показать, что "сексуальное разнообразие, хотя оно все еще рассматривается многими непримиримыми группами как перверсии, вышло 'из книги болезней Фрейда' и вошло в повседневную жизнь". Несомненно, автор опять старается противопоставить критике психоаналитического института у Фуко "прогрессивного Фрейда". Поэтому наблюдаемое движение в сторону сексуально-плюрализма – это результат "трансформации любви", которую "не пожелал заметить Фуко", – пишет Гидденс.

Можно согласиться с И.Н.Тартаковской, что "книга Гидденса пропитана явной и скрытой полемикой с автором 'Истории сексуальности'". Более того, это полемика между гуманистом и критиком гуманизма (но не отрицателем идеалов гуманизма – обычная ошибка суждения). В проповеди равнозначности сексуальностей и плюрализма, а

также в своем смещении проблемы власти на второй план Гидденс удивительным образом оказывается ближе к постмодернистам, чем часто и неправильно зачисляемый в "их лагерь" Фуко, для которого нынешняя трансформация сексуальности – не триумфальное (хотя и медленное) шествие интимности или плюрализма сексуальностей, а борьба, сопротивление и попытки консолидации властных отношений различных участников, дискурсов и институтов "сексуальности".

Помещенная в антологию публикация "Любовь и брак: Идеология репродукции" Никласа Лумана является небольшой частью его книги "Любовь как страсть: Кодификация интимности", которая довольно известна и обсуждалась в российской социологии, как и творчество Лумана вообще. Поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно. Эта работа близка по своим целям к задаче, выполняемой Гидденсом. Эти две части близки и по своему словарному составу – в них рассматриваются понятия "любви", "интимности", "дружбы", "брака", "романтического", "страсти". Они обе используют исторический выборочный материал функционально и со структуралистским акцентом. Они также следуют теме перехода от идеологии репродуктивного секса, даже во имя любви или брака, к тому, что Луман называет "новой семантикой интимности", которая еще не определена, но сама интимность уже находится в глубокой трансформации, как старался показать Гидденс. На этом их сходство, пожалуй, и заканчивается.

Новая семантика любви основывается, по словам Лумана, на "различиях между безличными и личностными взаимоотношениями". Что же привело к этой "эволюции любви"? К XVIII веку контроль социальных структур над браком ослаб, и "уже ничто не мешало обществу перейти от договорных браков к бракам по любви". Политические, религиозные и экономические институты стали достаточно независимыми и

сами обеспечивали свою репродукцию. Как следствие, "группы родственников, членами которых муж и жена были только по своему рождению, оказались связаны между собой совершенно случайно, а именно благодаря браку последних". Связь мужа и жены становилась все более слабой несмотря на детей, и к такому структурному изменению, пишет Луман, "люди неосознанно приспособились при помощи символического средства – любви. Семантика, отчасти ориентированная на внебрачную страсть (во Франции), отчасти – на семью и дом (в Англии), отчасти – на воспитание (в Германии), уже была в наличии и готова к применению. "Значительно и то, что в так понятых браках по любви уменьшалось различие между полами, так как в отношении "романтической любви" желания мужчины и женщины сближаются. И уже к концу XIX столетия "любовь стала единственным легитимным основанием для выбора партнера", а все остальное требовалось отвергнуть. Таким образом, произошло еще большее освобождение от социального контроля, однако слишком страстная любовь (в законном браке) критиковалась за ее вмешательство в "обеспечение максимума порядка и свободы". И даже сама идея репродукции стала приниматься как результат индивидуального свободного выбора. Противоречие, заложенное в отношении между романтическими идеалами и реалиями жизни, привело к тому, что вскоре романтизм стал не более, чем иллюзией, в которую уже мало верят, но которая скрытым образом остается в системе отношений.

Далее Луман рассматривает несколько литературных примеров, подтверждающих его тезис, что новая семантика интимности базируется на отличии безличных отношений от личных. "Человек может – и это новое явление, – найти свое оправдание для большинства своих жизненных потребностей только через безличные отно-

шения, т.е. через отношения, в которых он не может заявить о себе, или, самое большее, только в узких рамках частной социальной системы". Социальный контекст играет огромную роль в создании собственной идентичности. Луман отмечает стремление к неформальным связям, к глубокому пониманию друг друга, которое трудно осуществить. Интерес к латентным интимным отношениям еще не стабилизировался в установленные стандарты, которым можно сопротивляться или соответствовать, такого мерила поведения пока нет, но переход к этим новым системам уже очевиден, – заключает Луман.

Язык Лумана связан с традицией немецкого интеллектуализма, являет собой своеобразный "тяжелый металл". Чтение немецкого автора в переводе с английского на русский также может представлять определенные трудности. Перегруженность "терминами" тяжела для восприятия даже в целом качественном переводе.

Работа, написанная профессором университета Миннесоты и специалистом в области молодежной сексуальности Айрой Рэйсом, посвящена "сексуальному плюрализму". Основная проблема американских сексуальных аномалий, – пишет автор, – это "неспособность общества создать новую сексуальную этику". Что мешает созданию такой этики? Рэйс пишет, что "сохранилось слишком много элементов догматического сексуального наследия, и именно в этом корень теперешнего кризиса", а не в исчезновении традиционных норм поведения. Какие именно элементы догматичности выделяет Рэйс? Это прежде всего мифы об абистинции и любви.

Миф о воздержании молодежи, который закрывает доступ сексуального образования в школы и колледжи, наносит, по мнению автора, большой вред, так как пропаганда воздержания подростков "в большинстве случаев не приносит успеха и фактически увеличи-

вает риск для жизни," ведь "клятвы сексуального воздержания нарушаются гораздо чаще, чем рвутся презервативы". Именно поэтому миф воздержания — это риск, на который предпочитают закрывать глаза правительство, школы и родители, подвергая этому риску своих детей.

Следующая мишень Рэйса — пропагандируемая иллюзия очистительной силы любви, когда любовь объявляется чем-то "хорошим и безопасным" и постоянные партнеры не поощряются к пользованию презервативами. Совместное исследование СПИДа, проведенное Рэйсом с Робертом Дейком, показало, что гораздо безопаснее иметь сексуальные контакты с 20 партнерами, используя презерватив, чем иметь отношения с одним или двумя партнерами, не пользуясь им". Эти данные подтверждены Фументо: "Большинство женщин, заразившихся гетеросексуальным путем, заболели в результате продолжительной связи с одним партнером".

Что же такое сексуальный плюрализм? Прежде всего, это не вседозволенность, а моральное понятие. "Плюрализм не видит в сексуальности только опасность, как это свойственно многим традиционалистам, или только удовольствие, как полагают либералы. Скорее плюрализм сочетает оба компонента — опасность и удовольствие." При этом все сексуальные отношения и ориентации должны считаться приемлемыми, если в них соблюдаются принципы "честности, равенства и ответственности". Это этические принципы, а не призывы к оргиям, пишет Рэйс: "гетеросексуальность, девственность, любовь и брак не делают сексуальность нравственной. Что делает секс моральным, измеряется влиянием отношений на обоих партнеров." Одна из проблем, стоящих на пути сексуального плюрализма — это культура мужского господства, которая традиционна и противостоит переменам. Заканчивает Рэйс предложением создания и участия в организации типа "Люди за сексуальный плюрализм", которая

поможет "сбросить викторианский багаж" и начнет открыто сообщать людям "о существовании мощной поддержки демократического плюрализма в отношении сексуальности", который "откроет дорогу радостям более честного, равноправного и ответственного секса". Таким образом Рэйс заканчивает свою просветительскую работу. В отличие от других участников сборника, автор хорошо осведомлен о практических проблемах, связанных с эпидемией СПИДа, которые нельзя решить ни воздержанием, ни "обязательной гетеросексуальностью" (Рич), ни "браком по любви", ни "одним партнером на всю жизнь", и т.п. Контрацептивы дороги для сексуально активной молодежи. Следует также отметить, что в американском контексте не все средства контрацепции и аборт дешевы и доступны (при этом Америка занимает первое место в мире по беременностям несовершеннолетних). Плюрализм кажется хорошей идеей, но, к сожалению, это похоже на очередную просветительскую утопию, когда идеалы определены, остается только воплотить их в жизнь. Несомненно, программы по "повышению осведомленности" нужны и полезны, но "прекрасное далеко" равноправной, честной и ответственной *плюралистичной* сексуальности как для детей, так и для взрослых ежедневно воспроизводится на политическом, экономическом и этическом фронте. Все это ставит под сомнение непредвзятость и универсальность утопических идеалов вообще.

Во втором разделе книги представлены эмпирические исследования: "Сексуальная жизнь в Финляндии в 1990-х годах" (Осмо Конттула и Элина Хаавио-Маннила), "Сексуальная активность населения Франции" (Альфред Спир, Натали Бажо) и др.

Финские социологи обобщают результаты национального исследования и дают сравнительный анализ изменений в сексуальной жизни финнов за период с 1971 по 1992 год. Они также предполагают дать прогностическую

оценку картине сексуальной жизни. К сожалению, выборка остается неизвестной, однако указывается на уникальность этого исследования: до сих пор Финляндия остается единственной страной, имеющей два национально-репрезентативных исследования о сексуальной жизни взрослого населения (проведенных в 1971 и 1992 годах). В исследованиях были затронуты следующие темы: сексуальное просвещение в школе, случайные половые связи, идеальный вариант партнерства, женская сексуальность, отношение к порнографии, мастурбация, первый сексуальный опыт, связь секса и влюбленности, количество партнеров (как за последний год, так и за всю жизнь), параллельные отношения, проституция, сексуальная жизнь и семья, место встречи сексуального партнера, сексуальное насилие и домогательство, гомосексуальность, сексуальные проблемы, уровень сексуального удовлетворения и удовлетворенности своей сексуальной жизнью. По всем этим темам приведено большое количество статистической информации, довольно разрозненным образом, к сожалению, что делает ее усвоение проблематичным, хотя сами данные представляют огромный интерес. Так, на третьей странице мы узнаем, что мастурбация стала "обычной частью половой жизни, и лишь несколько респондентов сохранили уверенность в ее пагубности для здоровья, в то время как 20 лет назад такой взгляд разделяло около трети опрошенных."

Треть женщин и 5% мужчин в Финляндии считают свой первый половой акт неприятным, при этом женщины чаще всего (40%) указывают на испытанную боль. Каждой пятой женщине и 8% мужчин предлагались деньги за сексуальные услуги. Около 30% мужчин и женщин подвергались домогательству на работе за последние два года, однако мужчины, в отличие от женщин, гораздо позитивнее смотрят на эти ситуации (85% к 50%). Сегодня

финские женщины гораздо реже используют порнографическую продукцию, по сравнению с 1971 годом, — по мнению авторов, из-за спада интереса к порнографии. В целом, финские социологи приходят к следующим выводам: "...20 лет, последовавшие за сексуальной революцией, раскрепостили финнов, способствовали их самовыражению в сексуальной жизни и наслаждению ею в большей мере, чем когда-либо. ... Сегодня взаимные ожидания мужчин и женщин относительно сексуальной жизни лучше соответствуют друг другу, чем прежде. ... Мужчины и женщины существенно продвинулись к равенству в сексуальной жизни." Что касается связи сексуальной жизни с другими факторами, то здесь отмечены следующие корреляции. На либеральность установок влияют "молодость, непродолжительность текущих сексуальных отношений, образование, проживание в большом городе, отчуждение от религии, курение, стройное тело, установление устойчивых парных отношений в раннем возрасте, самоудовлетворение, несколько сексуальных партнеров на протяжении жизни. Эти 10 факторов объясняют 18% вариации сексуальных установок". Следующие 13 факторов объясняют 26% вариации частоты половых сношений: время — 1992 год, мужской пол респондента, молодость, состояние в браке, небольшая продолжительность текущих отношений, наличие детей, некоторые симптомы стресса, отсутствие привычки к курению, раннее начало половой жизни, раннее установление устойчивых парных отношений, разнообразие приемов в последнем (перед опросом) сношении, неупотребление алкоголя при последнем сношении, нечастая мастурбация. 25% вариации в оценке удовлетворенности своей сексуальностью объясняется 14 факторами, среди которых эмоциональная атмосфера в доме, где прошло детство респондента, частота сношений, многообразность сношений, непродолжительность текущих отношений и т. д.

Более раннее начало сексуальной жизни и либерализация установок оказывают положительное влияние на сексуальную жизнь финнов, однако увеличение количества потребляемого алкоголя и снижают сексуальную активность и удовлетворенность.

Значительный интерес представляет анализ сексуальной активности населения Франции. Это уникальное исследование, в котором опрошено 20055 человек в возрасте от 18 до 69 лет в 1991-1992 годах.

Основное наблюдение авторов: в течение последних двадцати лет не произошло никаких глубоких изменений в области сексуальности и, в частности, первого сексуального опыта. Поэтому появление СПИДа не повлияло на возраст, в котором происходит инфицирование. Во Франции проституция получила большое распространение в 1920-х годах и во время Алжирской войны (1937-1943). Поэтому более 15% мужчин старших поколений получили первый сексуальный опыт у проститутки, а среди младших поколений этот показатель упал до 2,5%. При этом наблюдается заметный стратификационный разброс среди старшего поколения: большинство этих мужчин принадлежали к классу буржуазии. По данным опроса 64% женщин были страстно влюблены в своего первого партнера. У мужчин этот показатель составляет 33%. Это различие наблюдается во всех поколениях и свидетельствует о сохранении мужского и женского типов половой морали.

Французские исследователи придают большое значение "альтернативной сексуальности", то есть отличиям от "вагинального проникновения". В то же время скептически относятся к валидности "щекотливых" ответов респондента, понимая, что женщины (особенно старшего поколения) стесняются сообщить о «фелляции», даже если понимают, о чем их спрашивают. Интересно, что куннилингус практикуется чаще, чем фелляция, и женщины стар-

ших поколений чувствуют большую стеснительность по отношению к фелляции, чем к куннилингусу. Анальное проникновение (тема, вообще отсутствующая у финских исследователей, но очень важная в связи со СПИДом) практиковали хотя бы один раз 30% мужчин и 24% женщин, что является, по мнению авторов, "активностью меньшинства".

Женщины менее подвержены влиянию порнографической продукции, "выработанной на основе сугубо мужской точки зрения". То же самое относится и к так называемому "розовому" или "эротическому телефону", который используется практически только мужчинами.

В отличие от секулярной психологии финнов, установки французов находятся под значительным влиянием религии. Так, среди верующих мужчин моложе 50 лет только 12% применяли анальное введение, у неверующих этот показатель составляет 37%. С течением времени различие между верующими и неверующими относительно невагинальных гетеросексуальных способов сексуальности уменьшается. Отмечена социальная дифференциация между женщинами по использованию мастурбации. Так, женщины-руководители сообщают о мастурбации почти в два раза чаще, чем женщины из других групп. Поэтому как и сама практика, так и склонность заявлять о ней социально дифференцированы.

Французские исследователи предпочитают четко не определять *сексуальные отношения*, стремясь показать разнообразную практику респондентов. По количеству партнеров мужчины опережают женщин, но как осторожно замечают авторы, «можно предположить, что мужчины склонны преувеличивать число своих партнеров, а женщины, по-видимому, — преуменьшать».

Женщины оказались менее гомофобны, чем мужчины — они легче признаются о своих увлечениях кем-либо того же пола, чем мужчины (6,6% про-

тив 4,6%). В парижской конгломерации присутствует значительно больше людей с гомосексуальным опытом, чем в целом по стране – приблизительно 5% против 1,5%. Как и в Финляндии, во Франции мужчины чаще женщин вступают в сексуальные отношения, не будучи влюбленными, однако при этом они думают, что были влюблены чаще, чем женщины.

Книга дает возможность представить современное состояние методологии исследования сексуальности. В самом общем приближении можно считать, что концептуальный и методологический аппарат данной дисциплины еще не сложился. Специалисты следуют не столько теории, сколько национальным моделям сексуальных «практик». Например, в финском исследовании отсутствует даже упоминание о социальной дифференциации. Валидность данных вообще не проблематизируется. Если говорить о «парадигме» социологии сексуальности, то ее можно обозначить как фаллоцентрическую – гетеросексуальное сношение (вагинальное проникновение пениса), мужской тип оргазма и сексуального желания принимаются как негласные «нормы» и универсальные модели сексуальности для обоих полов. Несмотря на декларируемое «равноправие в удовлетворении», более всего от мужской гетеросексуальности страдают женщины. При этом создается впечатление их «фригидности» относительно «универсального нормального» способа получения удовольствия. У женщин есть проблемы с «увлажнением влагалища» и оргазмом, в то время как у мужчин – проблемы с эрекцией. Такой подход прослеживается в следующей констатации: «Оргазм – ярчайшая форма сексуального удовлетворения. Женщины переживают оргазм во время сношения гораздо менее регулярно, чем мужчины». Здесь задается то, что Адриен Рич назвала «обязательной гетеросексуальностью» [3], которая переносится в вопросы анкеты

и блокирует возможности получения более сбалансированных данных.

Во французском исследовании удивительным образом отсутствует представление об этнической разнородности общества – огромное количество мусульман и граждан нефранцузской этничности осталось за пределами внимания. В отличие от финского исследования, у французов отсутствует проблема алкоголя и его связи с сексуальной жизнью. Также отсутствует тема сексуального насилия и домогательства, важная для прояснения «фригидности» и сексуальной комфортности.

Современная социология сексуальности в значительной степени связана с проблематикой СПИДа. Удивительно, но в обоих исследованиях отсутствует анализ контрацепции и наркотиков, без которых невозможно объяснить распространение СПИДа. Их включение в проект репрезентативного национального обследования кажется не более спорным, чем включение «количества сношений» или «используемых позиций». Отсутствует и тема возможного использования детской сексуальности, что ведет к общему осознанию того, насколько мало затронут вопрос о властных отношениях, присущих сексуальности, а также возможностях контроля над своей сексуальностью. Давно выяснено, что мужская сексуальность и рынок порнографической продукции, а также (женской) проституции связаны с различиями в экономическом, политическом и социальном положении женщин и мужчин. Это делает сомнительным оптимистический тезис большинства авторов сборника об эгалитарных тенденциях, демократизации сексуальности, а также равным возможностям в сексуальных отношениях. На самом деле дифференциация по полу, этничности, классу и возрасту углубляется. Как показывает рецензируемый сборник, только определенная часть женщин и мужчин может воспользоваться плодами эгалитарной трансформации – в

основном, это те, кто молоды, материально независимы, с высшим образованием, принадлежат к доминантному этносу, урбанизированы и относительно секуляризированы. Но СПИД распространяется в разных группах общества. Поэтому исследования разнообразных форм сексуальности, отмечает С.И.Голод, представляются исключительно важными в деле профилактики болезни.

Специалисты по социологии сексуальности найдут в рецензируемой книге исключительно оригинальные идеи и смогут составить достаточно полное впечатление о состоянии исследовательских направлений в этой области. Кроме того, работа свидетельствует о серьезном профессиональном подходе

санкт-петербургских социологов к изучению сексуальных отношений.

И.Л.Аристархова
аспирант

Института социологии РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тартаковская И. Н.* Гидденс Э. Трансформация интимности [Рецензия] // Социологический журнал. 1995. N 4. С. 214-219.
2. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, Касталь, 1996. С. 111-150.
3. *Rich A.* Compulsory heterosexuality and lesbian existence // Signs. 1980. Vol. 5. No 4. P. 631-660.